

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

РАЗДЕЛИТЬ И СТЕРЕТЬ: ФОРМИРОВАНИЕ АГЕНТНОСТИ У ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ С МЕНТАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

К.А. Петров

Кирилл Алексеевич Петров | <https://orcid.org/0000-0002-4178-1726> | kpetrov@eu.spb.ru | к. филос. н., научный сотрудник центра исследований науки и технологий | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия) | научный сотрудник центра перспективных социальных исследований Института общественных наук | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Вернадского 82/1, Москва, 119571, Россия)

Ключевые слова

агентность, инвалидность, акторно-сетевая теория, локальность, согласование, ментальные нарушения

Аннотация

В статье предлагаются описание и анализ практик по формированию агентности, применяемых в Центре развития и социализации детей и взрослых с ментальными нарушениями. В исследовательском фокусе находится взаимодействие психологов и подопечных, опосредованное разнообразными артефактами и техническими объектами. Показано, что формирование агентности может быть разделено на несколько этапов: во-первых, сотрудники Центра локализуют взаимодействие, создавая с помощью гетерогенных акторов пространственно и темпорально ограниченную среду; во-вторых, при помощи ритуализированных практик они согласовывают действия всех акторов; в-третьих, психологи, занимающиеся с подопечными, “стирают следы” работы, выполняемой техническими устройствами. Эта процедура позволяет выделить действие, которому впоследствии будет приписано ключевое значение в процессе согласования. Приписывание, или атрибутирование, оказывается заключительным этапом работы, выполняемой внутри локальностей. Таким образом, внутри Центра агентность проявляется как эффект, возникающий при включении актора в локальные пространства, разделении присутствия с другими, распределении активности и последующей редукции к действию индивида.

Информация о финансовой поддержке

Грант Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения: 075-15-2022-326]

Статья поступила 25.10.22 | Окончательный вариант принят к публикации 04.04.23

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Петров К.А. Разделить и стереть: формирование агентности у детей и взрослых с ментальными нарушениями // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 178–193. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050111> EDN: YDSJQB

Petrov, K.A. 2023. Razdelit' i steret': formirovanie agentnosti u detei i vzroslykh s mental'nymi narusheniyami [Share and Erase: Agency Formation among Children and Adults with Mental Disorders]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 178–193. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050111> EDN: YDSJQB

Область социальных исследований инвалидности возникла в 60–70-е годы XX в. (Клепикова 2014: 222). Именно в это время появляются ключевые для этой научной сферы работы социолога И. Гофмана и антрополога Р. Эджертона. В 1980-м г. социолог И. Золя начинает выпускать *Disability Studies Quarterly* – “старейший академический журнал”, посвященный междисциплинарному изучению инвалидности (Ferguson, Nusbaum 2012: 71). Исследования инвалидности нельзя рассматривать как гомогенное направление, внутри него легко обнаруживаются конфликтующие подходы и методы. Е.Э. Носенко-Штейн отмечает: “Одним из основных подходов до недавнего времени был (а иногда и остается) медицинский/медикалистский подход. Его сторонники рассматривают инвалидность как чисто медицинскую проблему, которую следует решать медицинскими же средствами” (Носенко-Штейн 2018: 1). Медикалистская модель, оперируя категориями недуга, патологии, недееспособности, рассматривает “людей с ограниченными возможностями как некомпетентных, *неспособных отвечать за себя* (курсив мой. – Авт.) и трудиться, нуждающихся в присмотре и, возможно, опасных для общества” (Тарасенко 2004: 10). Иными словами, она игнорирует агентность людей с инвалидностью.

Медикалистской интерпретации может быть противопоставлена социальная модель, в которой инвалидность описывается как результат социального конструирования. В статье “Инвалидность как эффект практик: попытка новой концептуализации” А.С. Курленкова иллюстрирует общие принципы такой модели: «Инвалидность “включается” самыми простыми и обыденными “реквизитами сцены” – например, высоким тротуаром (в случае с человеком на коляске), визуально различимым расписанием и номерами автобусов (в случае с незрячим человеком), важным объявлением по громкоговорителю в самолете или торговом центре (в ситуации со слабослышащим человеком)» (Курленкова 2018: 27). Подходы, разделяющие такое “конструктивистское” понимание инвалидности, получили название “эмансипационных”. Исследователь инвалидности Н. Уотсон показывает, что общей чертой эмансипационных подходов является их ориентация на подотчетность результатов людям с ограниченными возможностями, а также раскрытие и устранение барьеров, мешающих их активной жизни (Watson 2013: 131).

Конструктивистская идея общественных изменений, вдохновленная социальной моделью инвалидности, требует критической рефлексии. Н. Уотсон продолжает: “Изменения – это не просто устранение барьеров, они включают в себя индивидуальную инициативу; это сложный, взаимосвязанный процесс, и он лежит на стыке *структуры и агентности* (курсив мой – Авт.)” (Ibid.: 134). Итак, из второстепенной темы агентность превращается в едва ли не центральную проблему исследований инвалидности.

В статье изложены промежуточные результаты наблюдений за жизнью Центра развития и социализации детей и взрослых с ментальными нарушениями, сотрудники которого вместе с подопечными и их родителями создают условия для формирования агентности. Работа в Центре осуществляется по разным направлениям – групповые и индивидуальные занятия, образовательные проекты, консультации родителей, и все они ориентированы на помощь в (ре)абилитации, социализации детей и взрослых с ментальными нарушениями разной степени тяжести, с генетическими заболеваниями, органическим поражением центральной нервной системы, расстройствами аутистического спектра, церебральным параличом, эпилепсией. История Центра отражает общие тенденции изменений в отношении к людям с ограниченными возможностями, которую можно представить как преодоление доминирования медицинской модели инвалидности и создание более доступной, инклюзивной среды. Об этом в ин-

тервью говорит один из руководителей Центра, профессиональный психолог Татьяна (все имена изменены):

В 1960-е годы появилась социальная модель инвалидности – ее главная составляющая – теория социального угнетения. Дело не в расстройствах, а в социальных физических барьерах, существующих у людей, им не доступны определенные социальные роли, и это не их проблема, а проблема общества. В этой среде возник лозунг “ничего о нас без нас”, означавший, что не медики должны принимать решения, а человек с ограничениями. А нам надо дать ему для этого средства и возможности. И учить его делать этот выбор (ПМА 2022: Татьяна).

В словах Татьяны объединены несколько нарративов: критика медикалистской интерпретации инвалидности, понимание эмансипирующего действия социальной модели и императив признания агентности людей с ограниченными возможностями, заключенный в требовании “ничего о нас без нас”. Если для Н. Уотсона, как утверждалось выше, агентность мыслится в связке со структурными ограничениями, то в словах Татьяны возникает дополнительное измерение этой проблемы. В парадигме “ничего о нас без нас” агентность располагается между двумя крайними позициями: полностью независимым, самостоятельным действием и принятием помощи, предоставляемой специалистами. Именно это напряжение и определяет практики формирования агентности в Центре.

Основой для статьи послужили данные включенного наблюдения, полученные в июне и сентябре 2022 г., а также результаты десяти полуструктурированных интервью с сотрудниками Центра: психологами, специалистами сопровождения, директором. Полевые материалы удалось собрать благодаря личной договоренности с его руководителем. Во время наблюдений мне как исследователю-социологу было разрешено свободно перемещаться по пространству Центра и посещать как индивидуальные, так и групповые занятия, предварительно получив устное согласие и обсудив детали своей работы с сотрудниками. За все время мне лишь несколько раз отказывали в присутствии: в случаях, когда совместные занятия психолога и подопечного требовали большей вовлеченности во взаимодействие. Интервью проходили в стенах самого Центра по завершении рабочего дня. Все они были посвящены исследованию связи заботы и самостоятельности подопечных.

Статья состоит из трех частей. В первом разделе рассматривается понятие агентности в социальных науках. Показано, что для изучения проблемы агентности в исследованиях инвалидности подходящей рамкой является идея множественных онтологий, разработанная в акторно-сетевой теории (далее – ANT). Во втором разделе анализируется незаметная работа людей и артефактов по согласованию действий сотрудников и подопечных Центра. В третьей части показано, что важным аспектом конструируемой агентности людей с ментальными нарушениями является идея вклада, соучастия в совместной жизни. Фиксация этого вклада осуществляется через процедуру атрибуции – стирания следов работы сотрудников Центра и технических устройств.

Онтология множественности и агентность в исследованиях инвалидности

Агентность относится к числу трудных тем в социальных науках. В самом начале статьи “What is Agency?” М. Эмирбайер и А. Мише пишут, что, несмотря на связь со значительным числом категорий, таких как “самость, мотивация, воля, целеполагание, интенциональность, выбор, инициатива, свобода и творчество” (Emirbayer, Mische 1998: 963), термин “агентность” сохраняет высокую

степень неопределенности. Ж.-Х. Пассо, Б. Покер и М. Шиллмайер во введении к сборнику “Agency without Actors: New Approaches to Collective Action” указывают на то, что агентность носит размытый, “скользкий” характер (*Passoth et al.* 2012: 1). Реконструируя общие подходы к исследованию агентности, они отмечают, что в социологической традиции от Гоббса до Парсонса это понятие, будучи примером неудачного заимствования из классической философской традиции, скрывает “естественную врожденную способность ответственных людей” противостоять инертности природных процессов (*Ibid.*).

П. МакКирни и Т. Зоанни во вводной статье к специализированному номеру “Кембриджского журнала антропологии”, посвященному когнитивной инвалидности, соглашаются с тем, что в эмансипационных исследованиях, ориентированных на социальную модель, присутствует тенденция рассматривать агентность как свойство только разумного, автономного человека (*McKearny, Zoanni* 2018: 2). При этом они подчеркивают, что социальная модель плохо совместима с когнитивной инвалидностью, которую “просто трудно вписать в картину социального конструктивизма и независимой агентности” (*Ibid.*: 6). Пытаясь найти теоретические подходы, позволяющие по-новому описывать агентность (учитывая как критику конструктивизма, так и уникальный опыт людей с когнитивными нарушениями), они смещают исследовательский фокус к проблеме рациональности. По их мнению, одним из оснований антропологии является допущение “психического единства человечества”, означающее, что все люди должны разделять общий набор “элементарных идей”. Следствием распространения этого универсализма являются не только разнообразные формы дискриминации, но и некорректная репрезентация в научных исследованиях представлений о “психической норме”.

Если мы утверждаем, что все культуры создаются людьми, обладающими примерно одинаковыми умственными способностями, то те из них, кто не имеет таких способностей, в лучшем случае оказываются на задворках культуры. Любого человека, у которого наблюдаются значительные нарушения когнитивных способностей, позволяющих остальным участвовать в жизни общества, сложно подвергнуть антропологическому изучению (*McKearny, Zoanni* 2018: 4).

В рамках идеи “психического единства человечества” когнитивная инвалидность – всего лишь эффект перспективы “капиталистических ожиданий в отношении производительности и успешности” (*Ibid.*: 7) Таким образом понятая социальная модель превращается в разновидность перспективизма, о котором говорит А.С. Курленкова. Указывая на несомненные достижения социальной модели инвалидности, например различие между “impairment (т.е. физическим увечьем) и disability (социальным исключением)”, она демонстрирует и ее недостатки. По мнению А.С. Курленковой, увлеченные социальной моделью и возможностями конструктивизма, исследователи инвалидности оказались в ситуации, когда они игнорируют специфический опыт людей с ограниченными возможностями, редуцируя его к разнице перспектив: “Социальная модель инвалидности – как в умеренной, так и в радикальной версиях – является формой перспективизма, так как не проблематизирует материальное тело” (*Курленкова* 2018: 38). Выйти за рамки этого ограничения А.С. Курленкова предполагает, опираясь на онтологию множественности, разработанную в текстах представительницы АНТ – Аннмари Мол.

В работе “Онтологические политики. Слово и несколько вопросов” Мол показывает, что проблема перспективизма предполагает неартикулированность теоретического различения множественности (*plurality*) и множественности (*multiplicity*).

Множественность (*multiplicity*) предполагает реальность, которая скорее делается и реализуется, чем наблюдается. Вместо того чтобы быть увиденной множеством наблюдающих глаз, оставаясь нетронутой в центре, реальность манипулируется с помощью различных инструментов в ходе разнообразных практик (*Mol* 1999: 77).

Мол будет доказывать это положение на примерах эмпирических исследований анемии, атеросклероза и диет. В работе “Следи за своей тарелкой! Онто-нормы голландской диеты” она показывает, что новая онтология, разработанная в рамках ANT, представляет собой альтернативу кантианской версии реальности: “Вместо сингулярной, онтология стала множественной (*multiple*), и в отношении нее задаются вопросы о том, как контрастирующие версии реальности согласовываются в научных и профессиональных практиках” (*Mol* 2012: 2). Например, анемия в раннем исследовании Мол предстает в разных версиях: клинической практики, лабораторной работы или патофизиологического метода (*Mol* 1999: 77–78). Для Мол, также как и для других представителей ANT, важно, что реальность разыгрывается в серии взаимодействий, происходящих в ограниченных пространствах, которые обеспечивают связанность разнообразных акторов, населяющих их.

В перспективе такого антиметафизического подхода агентность теряет свою связь с философской моделью свободы воли, автономии и рациональности, о которой говорилось выше. В рамках ANT агентность стала предметом пристального анализа в статье-диалоге “Agency and the Hybrid Collectif” Дж. Ло и М. Каллона. Авторы утверждают, что “агентность является эмерджентным свойством. Быть агентом, подобным управляющему директору, – это форма действия, вытекающая из соглашения” (*Callon, Law* 1997: 98). В тексте статьи Дж. Ло и М. Каллон обыгрывают многозначность слова *arrangement*, используя его как в смысле соглашения, так и расположения, окружения и устройства. Агентность локальна и определяется через последовательности “переводов”. Эту категорию легко проиллюстрировать примером из статьи Б. Латура “Технология – это сделанное долговечным общество”. В его тексте требование менеджера отеля к постояльцам оставлять ключи на стойке регистрации, которое они не выполняли, впоследствии меняет характер действий постояльцев благодаря тяжелому брелоку. Императив не передается, он “переводится”: “Пользователи больше не оставляют себе ключи; они хотят избавиться от громоздких объектов, деформирующих их карманы” (*Latour* 1991: 105). В ANT агентность осмысливается как результат согласования гетерогенных акторов, как людей, так и разнообразных артефактов, технических устройств, локально связанных друг с другом последовательностью “переводов”.

Агентность не является врожденным свойством и не сочетается с философским учением о свободе воли. Вместе с тем агентность не ограничивается достижением локальной согласованности. Дж. Ло и М. Калон пишут: “Агенты – это эффекты, генерируемые в конфигурациях из различных вещей. Некоторые, однако, также принимают форму атрибуций. Атрибуции, которые локализуют агентность как сингулярность – обычно сингулярность в форме человеческих тел” (*Callon, Law* 1998: 112). Но как происходит работа по атрибуции? Ответ на этот вопрос является эмпирическим и зависит от конфигурации конкретного пространства.

Проблема согласования в пространстве Центра

У входа в Центр посетителя встречает специальный знак – схематическое изображение двери и лестницы. Оно используется в альтернативной и допол-

Рис. 1. Часть интерактивной доски, используемой на “круге”.

Зеленая решетка в верхней части – символическое изображение пространства центра.

Правее – карточка расписания, на которой показан день недели и изображения подопечных, чье присутствие запланировано.

Белые прямоугольники – заретушированные фотографии сотрудников

Центра и подопечных. Серая решетка с треугольником внизу символизирует дом.

Фото автора

ненной коммуникации (АДК) для обозначения пространства Центра на специальных досках, схемах и интерактивных планшетах. Войдя через дверь, подопечные Центра и их родители оказываются в коротком коридоре, сразу за которым – широкая прихожая. На левой стене и стене напротив входа висят крючки-вешалки. Почти над каждой вешалкой располагается фотография подопечного. На стенах слева и справа висят интерактивные доски, изготовленные в Центре. По размеру и форме такая доска напоминает обычную школьную доску, обитую ворсистой тканью, на которую с помощью “липучки” могут быть прикреплены знаки разной степени абстрактности. Пока подопечные переобуваяются и переобуваются в прихожей, родители обсуждают с встречающимися их психологами детали вчерашнего дня, нынешнего утра, делятся ближайшими планами, помогают умыться и т.д. Обучающиеся из старшей группы свободно перемещаются по пространству Центра. Когда группа собирается, подопечные и психологи проходят в комнату, где начинается первое групповое занятие – “круг”.

Подопечные самостоятельно расставляют стулья, которые стоят у стен, рассаживаются полукругом перед доской. Им не просто передвигать стулья, но

гостей просят не помогать. Психолог садится в круг таким образом, чтобы доска находилась справа от него, но при этом он имел возможность дотронуться до других участников слева и справа. Сама доска занимает почти всю стену и поделена на две половины, которые используются для разных групп (Рис. 1). Ее рабочая часть также визуальна поделена надвое. На нижней половине есть абстрактное изображение дома, выполненное с помощью цветной ленты. В верхней части – прямоугольник, разделенный внутри решеткой, обозначающий пространство Центра. Ниже “дома” есть дополнительный небольшой прямоугольник с символическим изображением лежащего в кровати больного человека.

В начале занятия ведущий спрашивает, кто хочет поприветствовать остальных. Иногда кто-то из подопечных делает это первым. Если пауза затягивается, присутствующие психологи-педагоги или сам ведущий громко заявляют: “Я хочу!” Открепляет свою фотографию из нижней части доски, изображающей дом, и вклеивает ее в верхнюю зеленую решетку – “Центр”, приветствуя

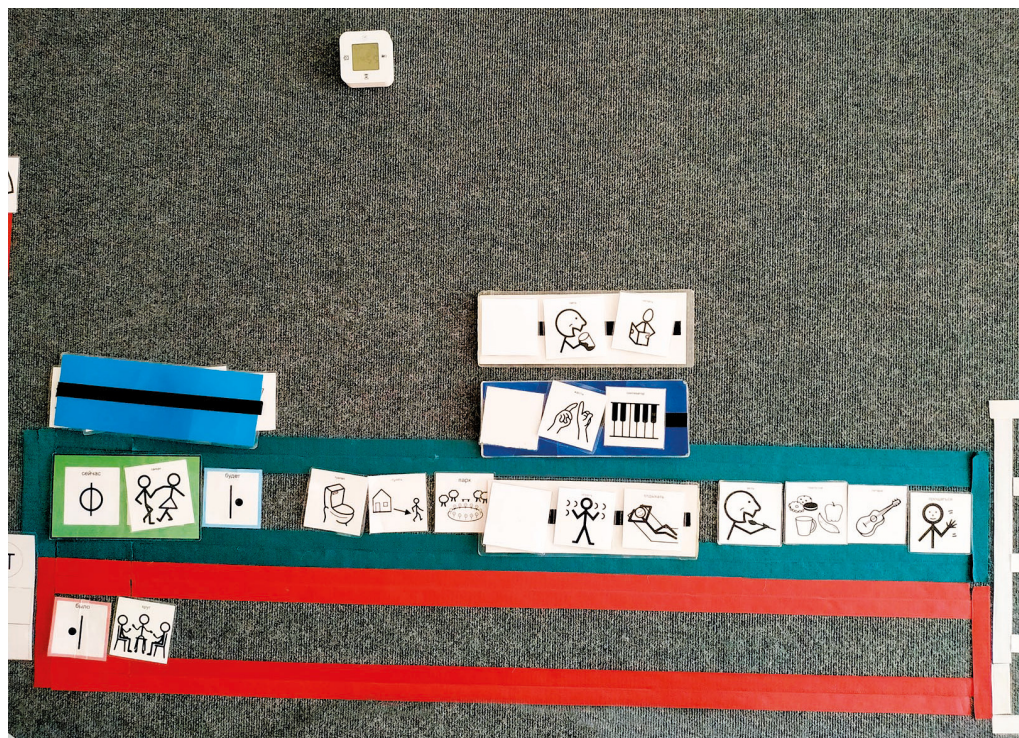

Рис. 2. Фрагмент доски, отображающий “расписание”. Темно-зеленая полоса обозначает события, которые происходят сейчас и будут происходить позже. События будущего отделены от актуальных квадратом с синей каймой, внутри которого проведена вертикальная черта, справа от нее – черная точка. Изображение текущей деятельности помещается в зеленый прямоугольник, в левой части которого изображен круг, пересекаемый вертикальной линией. Красная полоса обозначает завершенные формы активности. По центру темно-зеленой полосы видны две дополнительные таблички, размещенные друг над другом; они обозначают индивидуальные формы работы. Эти таблички могут быть отсоединены от доски и использованы во время прогулок. Фото сделано во время “танцев”, после окончания “круга” (изображение человечков, держащихся за руки, прикреплено снизу). Фото автора

других. Когда ритуал приветствия выполняется подопечным, ведущий может подчеркнуть это: “Н. хочет поприветствовать!” После того, как фотография оказывается в “Центре”, слышится: “Здравствуй, Н!” При отсутствии кого-то из подопечных ведущий снимает с доски небольшую схему с указанием дня недели, показывает ее присутствующим и говорит, что “Н. сегодня не будет, он заболел”. После открепляет фотографию отсутствующего из области “дом” и помещает в нижнее поле рядом с изображением больного в кровати. Затем ведущий обращается к другой половине доски (Рис. 2). Наклеивая рисунки, обозначающие разнообразные активности, он проговаривает их содержание. В завершении все присутствующие берутся за руки; психологи-педагоги громко по слогам произносят “мо-лод-цы”, ритмично поднимая и опуская руки. После того, как ребята возвращают стулья на свои места, они отправляются на занятия. Некоторые задерживаются в пространстве “круга”, по несколько раз проговаривая в речи или с помощью инструментов АДК, что “потом”, т.е. после завершения всех видов активности, их будут ждать родители и они отправятся домой.

Именно с участия в “круге” для меня началось исследование жизни Центра. В первый день наблюдений, за полчаса до занятий, на доску в область “дома” было наклеено абстрактное изображение мужчины. Когда “круг” подходил к концу, один из сотрудников, находившихся рядом со мной, громко произнес: “Кирилл хочет поздороваться. Он – наш гость”. Встав со стула и подойдя к доске, я отклеил изображение “мужчины” и перенес его в “Центр”. Возвращаясь к своему месту, я ощутил слабый толчок в плечо от одного из подопечных. Находившийся рядом сотрудник отнесся к этому событию серьезно и, взяв “нарушителя” за руку, произнес: “Н., так нельзя делать! Кирилл – наш гость!” (ПМА 2022).

Это происшествие показывает, что во время “круга” происходит множество неявных взаимодействий (Колядов 2020). Ребята могут “соперничать” за пространство в решетке, изображающей Центр, или за место рядом с карточкой машины, обозначающей, что подопечный добрался до Центра или едет домой именно на автомобиле. В такой ситуации, подходя к доске, недовольный прежде открепляет фотографию своего “соперника”, вешает его в “дом”, а на желанное место помещает свою фотографию. Сотрудники, участвующие в “круге”, могут столкнуться с толчками или пощипыванием со стороны подопечных. Тогда психолог спокойно, но громко, чтобы слышали все сидящие в “круге”, произносит: “Мне это неприятно! Не делай так больше!”

Нарушение формата “круга” становится темой для обсуждений среди сотрудников. Такие действия подопечных не считаются правильными, но могут быть объяснены присутствием неизвестного человека, несоответствием расписания ожиданиям или чувством физического дискомфорта. При этом все элементы таких обсуждений отсылают к диагностированному медиками заболеванию. Здесь уместно привести еще один фрагмент из интервью с Татьяной, которая говорит, что все подопечные имеют установленный врачами диагноз:

Диагноз важен и нужен, чтобы понимать прогностические вещи. Есть синдромы, связанные с потерей навыков, есть нарушения, которые с определенного возраста могут вызвать соматические состояния. Например, в подростковом возрасте могут появиться проблемы с сердцем, которых не было в детстве. Нам нужно иметь прогноз жизнедеятельности. Диагноз важен, хотя он только до определенной степени определяет состояние. Об этом говорит вся социальная модель инвалидности. Нам скорее важен функциональный уровень внутри диагноза, то есть то, что ребенок может делать (ПМА 2022: Татьяна).

В процитированном фрагменте стоит отметить изменение в содержании понятия “диагноз” – он не является “объективным” фактом, описывающим био-

логические процессы. Например, эпилепсия у подопечного важна не сама по себе, а только в тех случаях, когда она может стать препятствием, например, для водной прогулки. Диагноз не рассматривается как ограничение, он отсылает к навыкам и действиям, оказывает влияние на характер событий, с которыми подопечные Центра сталкиваются в обычной жизни, и на особенности конструируемых коммуникативных ситуаций в самом Центре. Используя положения, представленные в онтологической модели Мол, можно утверждать, что диагноз не конструируется, а обнаруживается или разыгрывается в разнообразных практиках.

Не менее важную роль в работе Центра играют взаимодействия, при которых значение “заболевания” редуцируется. После завершения занятий подопечные отправляются в прихожую, чтобы переодеться и переобуться, дожидаясь родителей или сопровождающих. Не всем это дается легко. Видя затруднения, психологи не стремятся сразу помочь подопечным надеть куртку или ботинки. Подойдя ближе, сотрудники прикрывают ладонью правой руки запястье левой, будто напоминая забытое слово “помоги” на языке жестов. Затем, обращаясь к подопечному, произносят: “Сам попроси помочь”. Если подопечный повторяет этот жест, он получает помощь, что подтверждает его самостоятельность. Приведенный пример позволяет увидеть, что самостоятельность не тождественна способности выполнять действия без помощи и не ассоциируется с “диагнозом”. Она рассматривается как результат взаимодействия с другим и соответствует императиву “Действуй вместе с другим!”

Проблематичность самостоятельности, соотносимой с описанным императивом, может быть проиллюстрирована двумя примерами: занятием танцами и прогулкой. Танцы проходят в самом просторном помещении Центра. Сначала на доску, расположенную на одной из стен “танцевального зала”, вешается значок, изображающий двигающихся человечков (Рис. 2). Ведущий, стоя у доски, объявляет о начале занятия и спрашивает, кто хочет выбрать танец. Подопечные стоят полукругом напротив него. Рядом с каждым из них находится психолог. Если никто не выражает желания, ведущий может по своему усмотрению попросить кого-то из присутствующих сделать выбор, используя специальные изображения. После того как танец определен, ведущий громко произносит его название, а из колонки звучит музыка. Психологи начинают танец, подсказывая и показывая подопечным первые движения.

Координация – это ключевой элемент танца. Ребятам, занимающимся в Центре, непросто двигаться в ритме музыки. Каждый из них выполняет индивидуальные движения с разной скоростью. В этой ситуации предугадать следующее движение партнеров внутри пары является непростой задачей. Психологи громко повторяют слова песни, которые обычно соответствуют разным типам движений, и стараются координировать действия подопечных, помогая им выполнять наклоны, прыжки, махи руками и т.д. Но даже если психологу удается синхронизировать свои действия с действиями партнера, относительно быстрый танцевальный ритм приводит к тому, что одни пары вынуждены обгонять другие. Чаще всего к концу короткой песни, звучащей из колонки, общий круг практически рассыпается.

Проблема согласования хорошо заметна во время совместных прогулок. Подопечные Центра передвигаются с разной скоростью, кроме того, они могут болезненно реагировать на указания о необходимости торопиться, задержаться, завершать интересные для них занятия. Когда никакие уговоры не помогают подопечному продолжить движение, может возникнуть полная остановка. В подобной ситуации психолог использует табличку с распорядком дня. Такие же знаки применяются на доске во время “круга” (Рис. 2). Такая схема показывает,

что после окончания одного вида деятельности начнется другой. Напоминание об установленном распорядке позволяет продолжить прогулку.

Оба случая показывают сложность согласования совместных действий. Несмотря на то, что музыка задает общий ритм, танец требует телесного контакта, позволяющего предвосхищать и предугадывать действия партнеров. Такое непосредственное согласование соответствует понимаю самостоятельности как совместного действия, которое при этом является сложным для исполнения. Второй тип согласования предполагает появление посредника. Ни доска, ни табличка с изображениями не могут прямо воспроизводить императив, для этого они должны “перевести” его. Эффект “перевода” виден на примере “круга”.

Практики использования доски в “круге” разделяют процесс согласования на несколько этапов. Знакомство с расписанием – важная часть обучения в Центре; неожиданные события или люди могут вызвать у подопечных сильную эмоциональную реакцию, выражающуюся в недовольном гудении, криках, попытках уйти, пощипываниях и т.д. Работа в “круге” позволяет найти место для изменений в привычном порядке вещей. Доска или табличка, выступая в качестве посредника, делает необязательным непосредственное взаимодействие, наблюдаемое, например, в танце. Теперь каждое индивидуальное действие должно согласовываться с доской.

Другой аспект согласования, выполняемого посредником, состоит в демонстрации дороги из дома в Центр. Это разыгрывание регулярного опыта диахронно, так как подопечные по очереди показывают свой путь. Однако присутствие перед доской, устойчивый порядок действия, а также совместное видение перемещений изображений из одной секции доски в другую дают эффект синхронности. Подопечные вместе с сотрудниками обнаруживают себя в совместном пространстве, локализованном вокруг доски. Эта синхронность закрепляется также в проговаривании слова “мо-лод-цы”. Работа с доской позволяет не только отметить прибытие подопечных в Центр. Важнее то, что она напоминает, что здесь действуют отличные от домашних правила. Этот аспект сотрудники часто проговаривают как в интервью, так и личном общении, подчеркивая, что в Центре у подопечных другая жизнь, требующая большей самостоятельности и согласованности.

После того, как работа в “круге” завершена, подопечные отправляются на занятия. Фотография доски с расписанием (Рис. 2) позволяет получить общее представление о возможных видах активности: совместная прогулка в парк и возвращение в Центр, индивидуальные формы деятельности, чтение, питье, обучение языку жестов, совместный прием пищи и прослушивание музыки. День обязательно завершается еще одним “кругом-прощанием”.

Как увидеть действие: вклад и стирание следа

В работе Центра кухня играет важную роль. Здесь проходят занятия по кулинарии, подопечные вместе обедают или ужинают. Кухня оказывается местом, куда можно прийти, чтобы на несколько минут отвлечься от рутинных обязанностей. Подопечные Центра любят кухню: приходя на занятия, некоторые сразу отправляются туда или заходят во время небольших перерывов. Все, что связано с кухней – приготовление еды и накрывание на стол, – важные навыки, которым обучают в Центре. В интервью сотрудники говорят об умении готовить как о показателе самостоятельности. Представляется возможным привести достаточно яркое высказывание психолога Центра Александры:

Мне кажется, что с малых лет у людей есть потребность что-то делать самому, в чем-то участвовать. Поэтому когда Николай (подопечный Центра, имя изменено. – *Авт.*) готовит, он, насколько может, реализует эту свою потребность в соучастии, даже если ему это не совсем хочется делать. У него появляется ощущение своей компетентности: “Я тут (в жизни Центра) тоже участвую, что-то могу” (ПМА 2022: Александра).

Слова Александры во многом отражают общее представление сотрудников Центра о том, что приготовление пищи является одним из самых понятных для подопечных способов не только показать свои навыки, но и продемонстрировать тот факт, что они могут действовать совместно. Вместе с тем в словах Александры присутствует важное противопоставление “естественности” потребности в соучастии и сложности реализации ее на практике. Подобно интерактивной доске, кухня позволяет продемонстрировать опыт совместности через само действие – приготовление пищи.

В Центре практикуется совместный прием пищи подопечными и сотрудниками. В таких случаях еда, приготовленная на занятиях по кулинарии, может быть частью общего стола. Совместная трапеза как форма соучастия является элементом обыденного знания сотрудников. По словам одной из сотрудниц, “обед должен объединять” (ПМА 2022: Валерия). Занятие кулинарией не ограничивается получением знаний о безопасности и усложнением представления о мире. Наблюдение за приготовлением пищи позволяет увидеть и уточнить процесс работы с агентностью в Центре. В качестве примера будет приведено описание занятия по кулинарии с девочкой Аней шести лет, реконструированное по полевым материалам от 16 июня 2022 г. В день наблюдений в Центре ожидалось присутствие двух подопечных, один из которых не пришел. Поэтому в занятиях с Аней участвовало два специалиста – Евгений и Леонид.

В начале дня психологи проводят “круг”. Евгений озвучил название ближайшего занятия, прикрепив к ворсистой поверхности доски предметы на липучке. Вместо карточек со схематическими изображениями на доску помещаются настоящие предметы или их игрушечные копии, на обратной стороне которых – прямоугольные пластины с липучкой. Игрушечная скрипка обозначает музыку, полотенце – мытье рук, ложка – прием пищи и т.д. Евгений подходит к доске вместе с Аней. Он открепляет кружку и дает ее ребенку. Аня хочет нажать на кнопку с изображением машущего рукой человечка (жест прощания), закрепленную на доске. Ее останавливает Леонид. Он протягивает ей наклейку с полотенцем и говорит: “Аня, пойдем руки помоем”. Она трогает полотенце, и они уходят в туалетную комнату. Я задерживаюсь у доски, рассматривая предметы. Через минуту входит Леонид и просит меня поторопиться на кухню, чтобы не прерывать занятие по кулинарии.

Аня уже сидит за столом. Евгений кладет перед ней карточку с кружкой, висевшую на доске, и говорит: “Сейчас будем готовить”. Перед ними уже стоит блендер. Леонид достает из холодильника разрезанные поперек куски банана и ставит тарелку рядом с блендером. Аня не смотрит на тарелку. Она оглядывается по сторонам, активно болтает ногами. Леонид (Л.), обращаясь к Евгению (Е.), начинает говорить:

Л.: Аня не хочет класть банан в блендер. (*Евгений протягивает руку к тарелке с бананом.*)

Е.: Ой, холодно. (*Его голос спокоен. Он и берет банан в руку.*)

Е.: Поможешь? (*Евгений обращается в Ане. Она перестает болтать ногами, протягивает руку, но все еще не смотрит на тарелку. Евгений аккуратно берет руку Ани и легко приближает к тарелке.*)

Е.: Потом будем есть, будем кнопку нажимать... (*Аня подносит банан к чаше блендера и отпускает его туда. Потом повторяет действие.*)

Л.: Кажется, все нормально. (Вместе они помещают продукты в блендер. Перед Аней ставится небольшой планшет, обитый такой же ворсистой серой тканью, как и доски с расписанием. На ней закреплена большая желтая кнопка. Провод от нее тянется к адаптеру, позволяющему подсоединять к управляемому прибору дополнительные кнопки [Рис. 3]. Аня ладонью нажимает кнопку. Блендер резко включается. Евгений и Леонид вздрагивают от неожиданности. Аня продолжает давить на кнопку.)

Л.: Кажется, ей даже понравилось. (Леонид раскладывает приготовленное мороженое по трем тарелкам. Аня отказывается его есть.)

Е.: Все, кулинария у нас закончилась. (Все трое берутся за руки и громко, по слогам, произносят: "Мо-ло-дец!") Держа в руках кружку на пластине с липучкой, они уходят в зал) (ПМА 2022).

Занятие начинается, когда Евгений кладет изображение кружки, и заканчивается, когда она убирается со стола Леонидом. Кружка, снятая с доски, перенесенная на кухню и положенная перед Аней, связывает активность в зале с событиями на кухне, она напоминает, что происходящее требует от нее совместных действий. Для приготовления пищи нужно переключить внимание на продукты. Но Аня не заинтересовалась этим. Евгений обращает внимание на способность

Рис. 3. Блендер, используемый на занятиях по кулинарии. Чаша снята после занятия.

Справа – адаптер, позволяющий подсоединять и настраивать дополнительные устройства. Внизу – прикрепленная к планшету кнопка, запускающая мотор блендера.
Фото автора

банана аффицировать новые состояния – переживание холода. Она кладет банан в чашу блендера. Здесь занятие достигает своей кульминации. Евгений прямо обозначает, что цель – нажать на кнопку.

Несмотря на кажущуюся простоту, нажатие выполняет функцию “перевода”. Работа с блендером требует сложных навыков, обладания неявным знанием: выбора скорости вращения ножей, времени, нужного для удержания кнопки; безопасного положения тела; соотнесения твердости продукта, его размера и выбранной скорости и т.д. Так, неожиданность и резкость включения мотора продолжают пугать сотрудников Центра, которые регулярно используют его на занятиях. Адаптер, запрограммированный сотрудниками на определенный режим работы, превращает сложный навык в простое действие Ани. Он позволяет выдержать нужную дистанцию, которая будет безопасной и не вызовет неприятных ощущений, и заранее запрограммировать время работы блендера. Больше не требуется выбирать скорости или зажмуриваться, в страхе придерживать крышку, чтобы она не слетела и банановое пюре не испачкало кухню. Настроенный на работу сотрудниками, адаптер с подсоединенной кнопкой позволяет как бы дистанцироваться от блендера, стереть его работу, редуцируя комплексность его материальности к одному действию – нажатию. Адаптер стирает множество связей и отношений, стоящих за работой блендера. Благодаря этому стиранию становится возможным зафиксировать действия Ани и сделать наглядным для нее самой ее вклад в приготовление пищи.

Именно об этом действии Евгений говорит как о цели, именно оно получает одобрение после окончания занятия. Не случайно после этого Ане позволяют не есть само мороженое. Леонид вспоминает, что мама подопечной жаловалась с утра на проблемы с ЖКТ у ребенка. Возможный дискомфорт постфактум становится оправданием для отказа от пищи. Но это не так важно, ведь Аня уже внесла вклад в жизнь сообщества. Точнее, ей уже было атрибутировано действие.

* * *

Исследования инвалидности открывают ловушку стандартной модели агентности как естественной, врожденной способности действовать вопреки устойчивости структуры. В рамках ANT агентность описывается как возникающая в процессе локализации совокупности гетерогенных акторов атрибуция действия. Ресурсы ANT возвращают исследования агентности на эмпирический уровень, делая видимым сложную совокупность разнородных акторов, участвующих в процессах ее конструирования.

При рассмотрении модели самостоятельности как требования совместного действия может возникнуть соблазн сделать вывод, что для подопечного она связана с позицией реципиента помощи. Однако подобное утверждение вошло бы в противоречие с декларируемой позицией “ничего о нас без нас”, задающей вектор восприятия агентности в Центре. Педагогический идеал предполагает возможность передачи самим подопечным ответственности за их поступки, о чем сотрудники Центра регулярно говорили как в интервью, так и в неформальном общении. Чаще всего их нарратив заботы строился исходя из “негативного” сценария. Сотрудники указывали, что родители не смогут всегда заботиться о своих детях и, следовательно, часть этой заботы должны взять на себя подопечные. В пространстве Центра быть самостоятельным – это согласованно действовать вместе с другим. Такое взаимодействие поддерживается многообразными техническими устройствами и артефактами. Распределение действия между людьми и материальными объектами затрудняет его конечную атрибуцию, что делает необходимым “очищение” “коллективной” работы гетероген-

ных акторов, ее редукцию к “простому” индивидуальному действию. Вместе со стиранием следа работы технического устройства стирается и работа психологов. “Дистиллированное” действие атрибутируется подопечному и утверждает его в роли агента.

Источники и материалы

ПМА 2022 – Полевые материалы автора. Содержат материалы включенного наблюдения в Центре и данные интервью с его сотрудниками, июнь–сентябрь 2022 г. В текст вынесены фрагменты интервью с сотрудниками Центра Татьяной, Александрой, Валерией. Все материалы анонимизированы по этическим соображениям.

Научная литература

- Клепикова А.А. Рец. на: Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life / Eds. M. Rasell, E. Iarskaia-Smirnova. N.Y.: Routledge, 2014 // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 222–244.
- Колядов Д. Значение говорящего: проблема участия людей с речевыми нарушениями в коммуникативном взаимодействии // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. Т. 12 (3). С. 100–125. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-3-100-125>
- Курленкова А.С. Инвалидность как эффект практик: попытка новой концептуализации // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: ООО “Издательство МБА”, 2018. С. 25–42.
- Носенко-Штейн Е.Э. Антропология инвалидности: проблемы и задачи // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 5–11. <https://doi.org/10.7868/S0869541518010013>
- Тарасенко Е.А. Социальная политика в области инвалидности: кросс-культурный анализ и поиск оптимальной концепции для России // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2 (1). С. 7–28.
- Callon M., Law J. Agency and the Hybrid Collectif // Mathematics, Science, and Postclassical Theory / Eds. B. Herrnstein Smith, A. Plotnitsky. Durham: Duke University Press, 1997. P. 95–117.
- Emirbayer M., Mische A. What is Agency? // American Journal of Sociology. 1998. Vol. 103 (4). P. 962–1023. <https://doi.org/10.1086/231294>
- Ferguson P.H., Nusbaum E. Disability Studies: What Is It and What Difference Does It Make? // Research & Practice for Persons with Severe Disabilities. 2012. Vol. 37 (2). P. 70–80.
- Latour B. Technology is Society Made Durable // A Sociology of Monsters / Ed. J. Law. L. Routledge, 1991. P. 103–131.
- McKearny P., Zoanni T. Introduction: For an Anthropology of Cognitive Disability // The Cambridge Journal of Anthropology. 2018. Vol. 36 (1). P. 1–22. <https://doi.org/10.3167/cja.2018.360102>
- Mol A. Ontological Politics: A Word and Some Questions // The Sociological Review. 1999. Vol. 47 (1). P. 74–89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1999.tb03483.x>
- Mol A. Mind Your Plate! The Ontonorms of Dutch Dieting // Social Studies of Science. 2012. Vol. 43 (3). P. 379–396. <https://doi.org/10.1177/0306312712456948>
- Passoth J.-H., Peuker B., Schillmeier M. Introduction // Agency without Actors: New Approaches to Collective Action / Eds. J.-H. Passoth, B. Peuker, M. Schillmeier. L.: Routledge, 2012. P. 1–12.

Watson N. Agency, Structure and Emancipatory Research: Researching Disablement and Impairment // *Routledge Handbook of Disability Studies* / Eds. N. Watson, S. Vehmas. L.: Routledge, 2013. P. 127–141.

Research Article

Petrov, K.A. Share and Erase: Agency Formation among Children and Adults with Mental Disorders [Razdelit' i steret': formirovanie agentnosti u detei i vzroslykh s mental'nymi narusheniiami]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 178–193. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050111> EDN: YDSJQB ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kirill Petrov | <https://orcid.org/0000-0002-4178-1726> | kpetrov@eu.spb.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187, Russia) | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky prospekt, Moscow, 119571, Russia)

Keywords

agency, disability, actor-network theory, locality, arrangement, mental disorders

Abstract

The article offers a description and analysis of agency formation practices in the Center for the Development and Socialization of Children and Adults with Disabilities. The research focuses on the interaction between the center's psychologists and wards, mediated by various artifacts and technical objects. I show that the formation of agency can be subdivided into several aspects: first, assistants create the locality – a spatially and temporally limited interactional environment of heterogeneous actors; second, the life of the center depends on the arrangement of the actions of these heterogeneous actors; third, psychologists erase traces of non-human actors' work to perform agency; this procedure allows to highlight an action that will later be attributed to the wards. This attribution must be seen as a final stage of the work performed within localities. Thus, within the center, agency manifests itself as an effect that occurs when the actor becomes inscribed in the locality, forced to share the common place with other actors, reduced to its action.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant number 075-15-2022-326]

References

- Callon, M., and J. Law. 1998. Agency and the Hybrid Collectif. In *Mathematics, Science, and Postclassical Theory*, edited by B. Herrnstein Smith and A. Plotnitsky, 95–117. Durham: Duke University Press.
- Emirbayer, M., and A. Mische. 1998. What is Agency? *American Journal of Sociology* 103 (4): 962–1023. <https://doi.org/10.1086/231294>
- Ferguson, P.H., and E. Nusbaum. 2012. Disability Studies: What Is It and What Difference Does It Make? *Research & Practice for Persons with Severe Disabilities* 37 (2): 70–80.
- Klepikova, A. 2015. Review of *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life*, edited by M. Rasell and E. Iarskaia-Smirnova. *Antropologicheskii forum* 26: 222–244.

- Kolyadov, D. 2020. Znachenie govoriashchego: problema uchastiia liudei s rechevymi narusheniami v kommunikativnom vzaimodeistvii [Speaker's Meaning: The Problem of Participation of People with Speech Impairments in Communicative Interaction]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* 12 (3): 100–125. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-3-100-125>
- Kurlenkova, A. 2018. Invalidnost' kak effekt praktik: popytka novoi kontseptualizatsii [Disability as an Effect of Practices: An Attempt of New Conceptualization]. In *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriia, reprezentatsii, praktiki* [The Other Side of the Moon, or What We Don't Know about Disability: Theory, Representations, Practices], edited by A.S. Kurlenkova and E.E. Nosenko-Stein, 25–42. Moscow: OOO "Izdatel'stvo MBA".
- Latour, B. 1991. Technology is Society Made Durable. In *A Sociology of Monsters*, edited by J. Law, 103–131. London: Routledge.
- McKearney, P., and T. Zoanni. 2018. Introduction: For an Anthropology of Cognitive Disability. *The Cambridge Journal of Anthropology* 36 (1): 1–22. <https://doi.org/10.3167/cja.2018.360102>
- Mol, A. 1999. Ontological Politics: A Word and Some Questions. *The Sociological Review* 47 (1): 74–89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1999.tb03483.x>
- Mol, A. 2013. Mind Your Plate! The Ontonorms of Dutch Dieting. *Social Studies of Science* 43 (3): 379–396. <https://doi.org/10.1177/0306312712456948>
- Nosenko-Stein, E.E. 2018. Antropologiya invalidnosti: problemy i zadachi [Anthropology of Disability: Problems and Goals]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 5–11. <https://doi.org/10.7868/S0869541518010013>
- Passoth, J.-H., B. Peuker, and M. Schillmeier. 2012. Introduction. In *Agency without Actors: New Approaches to Collective Action*, edited by J.-H. Passoth, B. Peuker, and M. Schillmeier, 1–12. London: Routledge.
- Tarasenko, E. 2004. Sotsial'naiia politika v oblasti invalidnosti: kross-kul'turnyi analiz i poisk optimal'noi kontseptsii dlia Rossii [Disability Policy: Cross-Cultural Analysis and Optimal Conception Search for Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* 2: 7–28.
- Watson, N. 2013. Agency, Structure and Emancipatory Research: Researching Disablement and Impairment. In *Routledge Handbook of Disability Studies*, edited by N. Watson and S. Vehmas, 127–141. London: Routledge.